

Евразийство с точки зрения Эренжена Хара-Давана

В. Ю. Быстрыков

Для цитирования: Быстрыков В. Ю. Евразийство с точки зрения Эренжена Хара-Давана // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 945–960. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.316>

Личность Э.Хара-Давана является знаковой для характеристики истории народов нашей страны в первой половине XX в. Он стал одним из первых студентов-калмыков, получавших высшее образование в университетах Российской империи, первым врачом среди калмыцкого народа. Он активно участвовал в событиях 1917–1920 гг. на юге России, сотрудничал с Временным правительством, советской властью и Белым движением, был видным представителем калмыцкой эмиграции в межвоенное время в Европе. В современной историографии Э.Хара-Даван достаточно часто называется участником евразийского движения, внесшим большой вклад в формирование его идеологии. Однако этот взгляд контрастирует с тем, что он не входил в организационные структуры движения и опубликовал только две статьи на страницах евразийских изданий. Гораздо чаще он печатался в калмыцкой эмигрантской периодике. Основной темой его работ была история, современное состояние и будущее устройство калмыцкого народа. Несомненно, что он испытал глубокое влияние идей евразийцев, что особенно прослеживается в текстах, посвященных истории Монгольской империи, а также в его главной работе — книге «Чингисхан как полководец и его наследие». Его оценки влияния монголов на развитие русской государственности носили ярко выраженный евразийский характер. Однако за пределами этого дискурса работы Э.Хара-Давана практически никак с евразийскими концепциями не пересекались, а в характеристике современного состояния и будущего устройства народов России даже расходились. Две статьи и положительная оценка евразийской исторической концепции не дают оснований причислять Э.Хара-Давана непосредственно к идеологам евразийского движения. В евразийстве он брал те идеи, которые ему импонировали, — утверждение самоценности неевропейских культур и оценку влияния Монгольской империи на развитие России. Остальные постулаты идеологии он просто не затрагивал.

Ключевые слова: евразийское движение, евразийство, Россия-Евразия, Э.Хара-Даван, П. Н. Савицкий, калмыцкая эмиграция, история Монгольской империи, кочевниковедение.

Владимир Юрьевич Быстрыков — канд. ист. наук, доц., Самарский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, 443099, Самара, ул. М. Горького, 65/67; bystryukov@pgsga.ru

Vladimir Yu. Bystryukov — PhD (History), Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, ul. Maksima Gor'kogo, Samara, 443099, Russian Federation; bystryukov@pgsga.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Eurasianism from the Point of View of Erengen Khara-Davan

V. Y. Bystryukov

For citation: Bystryukov V. Y. Eurasianism from the Point of View of Erengen Khara-Davan. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 3, pp. 945–960. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.316> (In Russian)

The personality of E. Khara-Davan is a landmark for characterizing the history of the peoples of our country in the first half of the 20th century. He became one of the first Kalmyk students who received higher education at the university of the Russian Empire, and the first doctor among the Kalmyk people. He took part in the events of 1917–1920 in southern Russia, collaborated with the Russian Provisional Government, the Soviet government, and the white movement. In the modern historiography, E. Khara-Davan is quite often called a member of the Eurasian movement, who made a great contribution to the formation of its ideology. However, this view contrasts with the fact that he was not part of any organization of the movement and published only two articles in Eurasian publications. The main topic of his works was the history, current state and future structure of the Kalmyk people. There is no doubt that he was deeply influenced by the ideas of the Eurasians, which is especially evident in the texts on the Mongol Empire history as well as in his main work — the book “Genghis Khan as a commander and his legacy”. His assessments of the influence of the Mongols on the development of Russian statehood were of a pronounced “Eurasian” character. However, outside of this discourse, the works of E. Khara-Davan practically did not intersect with Eurasian concepts in any way, and even diverged in characterizing the current state and future structure of the peoples of Russia.

Keywords: Eurasian movement, Eurasianism, Russia-Eurasia, E. Khara-Davan, P. N. Savitskii, Kalmyk emigration, the history of the Mongol Empire, nomadic studies.

Одним из самых неоднозначных и противоречивых вопросов в современной историографии евразийства является определение состава его участников, а также роли и статуса тех или иных авторов в движении. В России евразийство стало доступным для широкого изучения только в конце XX в. Именно тогда были переизданы работы представителей движения, постепенно вводились в научный оборот источники по его истории. В историографии 1990-х гг. состав участников трактовался достаточно расширительно, неизменно в него включались Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин. Помимо этих имен, назывались А. В. Карташев, В. Н. Ильин, Н. А. Арсеньев, Н. П. Толль и др. Достаточно часто в ряды евразийцев авторов зачисляли лишь по факту публикации работ в евразийских изданиях. Такой некритичный подход делал анализ евразийской концепции лишь более эклектичным и противоречивым. Например, в список евразийцев попадал П. М. Бицилли, разместивший две статьи в ранних евразийских сборниках¹, хотя исторические взгляды, представленные в них, контрастировали с концепцией России-Евразии, обозначенной в работах П. Н. Савицкого или Н. С. Трубецкого². Характерна оценка роли М. В. Шахматова, также опубликовавшего две статьи в евразийских сборни-

¹ Бицилли П. М.: 1) «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Берлин, 1922. С. 317–340; 2) Католичество и Римская церковь // Россия и латинство. Берлин, 1923. С. 40–79.

² Бирман М. А. П. М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг.: (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М., 2010. С. 241–253.

ках, как он сам их называл — «нейтрального научно-философского содержания»³. Достаточно быстро М. В. Шахматов отмежевался от сотрудничества с евразийцами, охарактеризовав термин Евразия как «уничтожение достижений всей русской истории»⁴, но в современной историографии его работы часто рассматриваются именно как евразийские и анализируются совместно с трудами других представителей движения.

На наш взгляд, показателями, по которым того или иного автора можно считать причастным к евразийству, являются участие в организационной работе движения и активная публикационная деятельность в евразийских изданиях. Наличие одного из этих признаков свидетельствует о принадлежности автора к движению. Например, П. С. Арапов вообще не публиковался в евразийских сборниках, но неизменно входил во все руководящие структуры движения докламарского периода — Совет Пяти, образованный в 1924 г.⁵, и Совет Евразийства, возникший в 1925 г.⁶ Архивные материалы и документы, связанные с его личностью, представляют собой важную источниковую базу по истории евразийского движения. Следует учитывать, что эта схема является скорее ориентиром, нежели догмой, четко разделяющей авторов евразийских изданий на евразийцев и неевразийцев. Например, Г. В. Флоровский опубликовал в первых сборниках пять статей. Разногласия с П. Н. Савицким, крен евразийства в сторону некоего подобия политической организации в том числе спровоцировали его отход от движения в 1923 г. Тем не менее в историографии за ним прочно утвердился статус одного из основоположников нового движения, и его статьи относятся к классике евразийства.

Евразийство стало одним из неординарных явлений в истории русской мысли, как по своему интеллектуальному уровню, так и по количеству рассматриваемых тем. Определение места каждого из авторов, его статуса в рамках или за рамками евразийского движения позволит более четко зафиксировать тексты, которые относятся непосредственно к евразийским, и даст возможность более аргументированно анализировать проблему эволюции идеологии движения в 1920–1930-х гг., а также проблему преемственности между классическим евразийством и его последователями.

Проблему отнесения тех или иных авторов к евразийству рассмотрим на примере жизни и творчества Эренджена Хара-Давана, человека непростой судьбы, оставившего заметный след как в истории калмыцкого народа, так и в истории России и русского зарубежья 1920–1930-х гг. в целом. Историография его творчества относительно невелика. Следует отметить, что в подавляющем большинстве работ Э. Хара-Даван определяется как участник евразийского движения, внесший существенный вклад в формирование исторической концепции евразийства. В литературе достаточно часто его имя упоминается в ряду других евразийцев — П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и др. Вопреки этому устоявшемуся мнению мы попытаемся доказать, что он не принадлежал к евразийскому движению и его работы не относятся непосредственно к евразийским.

³ Шахматов М. В. Евразийство и русское самобытничество // Возрождение. 1925. № 4. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Постановления евразийских съездов и групп, материалы по истории развития евразийской идеологии, финансовые сметы евразийской организации // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5783. Оп. 1. Ед. хр. 445. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 70.

В современной литературе воссоздана его биография и установлены достаточно интересные факты. Э.Хара-Даван (при рождении — Эренджен Даваев) родился в 1885 г. в бедной семье, однако его отец смог на средства общественного капитала калмыцкого народа отправить сына сначала в гимназию в Астрахань, а затем в Военно-медицинскую Академию в Санкт-Петербург. Из-за плохого климата молодому человеку пришлось переехать из столицы и продолжить обучение в Юрьевском, а затем в Казанском университете. Вернувшись после учебы на родину, Э.Хара-Даван стал первым врачом среди калмыков с высшим образованием. В годы революции он последовательно сотрудничал с Временным правительством, большевиками и белыми, покинув Россию в марте 1920 г.⁷ Впоследствии он был даже амнистирован ВЦИК, его приглашали на работу в СССР, однако возвращение не состоялось.

Жизнь Э.Хара-Давана в эмиграции несколько по-разному трактуется исследователями. Большинство из них пишет о его пребывании в Праге в начале 1920-х гг.⁸ Некоторые указывают на его активное участие в деятельности Калмыцкой комиссии культурных работников (КККР) в Праге⁹. Отметим, что приведенное в литературе мнение о пребывании Э.Хара-Давана в Праге, а также гипотезы о личном знакомстве с П. Н. Савицким и Г. В. Вернадским априори ставит его в более значимое положение в «географии евразийства», помещая в один из центров нового движения. Однако не все исследователи указывают его фамилию среди основателей и деятелей КККР¹⁰, некоторые пишут о том, что из России он сразу эмигрировал в Югославию¹¹. В отчете Президиума самой КККР в Праге говорится о том, что Э.Хара-Даван был принят в ее состав в 1929 г. До этого года он не фигурировал ни в составе членов Комиссии, ни тех, с кем она сотрудничала¹².

Т. Миленкович, опираясь на архивные данные, указывает, что Э.Хара-Даван весной 1920 г. прибыл именно в Югославию (официально она называлась Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) и проживал в различных частях страны вплоть до своей смерти в 1941 г. Он работал врачом в населенных пунктах Македонии, Черногории, Баната, был членом врачебной коллегии Сербии, Воеводины

⁷ *Очиров У.Б.* Политическая деятельность Э.Хара-Давана в период Гражданской войны // Эренжен Хара-Даван и его наследие. Элиста, 2012. С. 100–111.

⁸ *Бурчинова Л.С.* Послесловие // Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XIII–XIV вв. Элиста, 1991. С. 215; *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 — 1923 г.): Документы и материалы. М., 2007. С. 392; *Кузьмин Ю.В.* Книга из прошлого // «BULLETIN. The IAMS News Information on Mongol Studies». Ulaanbator: The Secretariat of the International Association for Mongol Studies. 1994. № 1 (13). С. 114; *Лазарев Е.С.* Харизматическое бремя полярного мифа // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 79.

⁹ *Сорокина Г.А.* Э.Хара-Даван — калмыцкий представитель русского зарубежья // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 1. С. 146; *Топалова Д.Ю.* Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции (1920-е — начало 1930 гг.) // Oriental Studies. 2019. № 2 (42). С. 198.

¹⁰ *Сарангов Д.В., Боваев Н.Б.* Тема национального объединения в работах калмыцких эмигрантов: Э.Д.Хара-Давана, Б.Б.Кушлынова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 50.

¹¹ *Антонова Е.А., Мухамедьяров Ш.* Евразийство с точки зрения калмыка // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 35; *Донирова Г.А.* Евразийская идея в трудах Э.Хара-Давана // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 1 (20). С. 17.

¹² О деятельности Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч.С.Р. // Информация Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч.С.Р. Прага, апрель 1930. № 1. С. 45.

и Срема и летом 1929 г. переехал в Белград¹³. Сложности с работой и дороговизна жизни в столице заставили его осенью 1930 г. уехать в Хорватию, а затем в Черногорию. Сам Э. Хара-Даван, рассказывая о жизни калмыков в эмиграции, достаточно много пишет о Югославии как очевидец событий¹⁴.

В современной литературе идея о евразийстве Э. Хара-Давана возникла после интервью Л. Н. Гумилева, заявлявшего, что первыми евразийскими книгами, которые он прочел, были работы Н. П. Толля «Скифы и гунны», а также Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие»¹⁵. По мнению Гумилева, отношение Э. Хара-Давана к евразийству являлось «ключом для понимания всего его творчества»¹⁶. Почти дословно эту мысль повторила Г. А. Донирова¹⁷. П. Э. Алексеева указывает, что Э. Хара-Даван был одним из основателей евразийства, внесшим весомый вклад в развитие его идеологии¹⁸. Используя метафору самого Э. Хара-Давана, одним из самых ярких цветков в общем букете евразийства называет его Д. Тараторин¹⁹. Э. Хара-Даван был одним из тех, кто разрабатывал проблематику кочевниковедения — новой дисциплины, появившейся благодаря евразийству, считает С. Малышева. Также он был единственным представителем евразийства не только по идейным соображениям, но и по рождению — человеком «двух слившихся воедино культур — европейской и азиатской»²⁰. Е. С. Лазарев пишет, что Э. Хара-Даван в «раннем евразийстве» представлял народ, который сохранил свою традиционную культуру лучше, чем большинство европейцев²¹. По мнению Л. С. Бурчиновой, к евразийству Э. Хара-Давана привела идея самопознания, применимая как для отдельной личности, так и для всего государства. Для России она означала обращение к истокам, к «исходу на Восток»²². У. Б. Очиров считает его активным участником и идеологом евразийского движения, лидером пражской группы калмыцкой эмиграции²³. Огромную роль евразийства в развитии калмыцкой зарубежной национальной историографии отмечают Е. А. Антонова и Ш. Ф. Мухамедьяров, считая, что последняя «питалась конструктивными идеями евразийства». Э. Хара-Давана в «стан евразийцев» привел интерес к монгольскому этапу истории России²⁴.

¹³ Миленкович Т. О докторе Эренжене Хара-Даване // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 43–54.

¹⁴ Хара-Даван Э. Калмыки в Югославии // Информация Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р. Прага, апрель 1930. № 1. С. 60.

¹⁵ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 26.

¹⁶ Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Чингисхан — неожиданный ракурс // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 22.

¹⁷ Донирова Г. А. Евразийская идея в трудах Э. Хара-Давана // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 1 (20). С. 17.

¹⁸ Алексеева П. Э. Предисловие // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 3.

¹⁹ Тараторин Д. Великий миротворец // Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингисхан и монголосфера. М., 2002. С. 5.

²⁰ Малышева С. Евразиец Хара-Даван: казанская страничка // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 119.

²¹ Лазарев Е. С. Харизматическое бремя полярного мифа // Там же. С. 78.

²² Бурчинова Л. С. Послесловие // Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. С. 217.

²³ Очиров У. Б. Политическая деятельность Э. Хара-Давана в период Гражданской войны. С. 111.

²⁴ Антонова Е. А., Мухамедьяров Ш. Ф. Евразийство с точки зрения калмыка. С. 35.

Р. Р. Вахитов указывает, что через национал-демократию и национал-коммунизм Э. Хара-Даван пришел к евразийству, высоко оценивая исторические труды евразийцев и их политическую программу. Но первичной для него была «борьба с европоцентризмом, реабилитация кочевых народов и их культур и дальнейшая судьба калмыцкого народа»²⁵. Как представитель евразийства, Э. Хара-Даван в первую очередь занимался национальным вопросом, совместно с К. А. Чхеидзе занимая в движении особую позицию по федеративному устройству будущей России²⁶. Ярким представителем евразийства, «евразийцем по рождению», «последовательным востокоцентристом» называет Э. Хара-Давана Г. А. Сорокина. Присоединение Э. Хара-Давана к евразийскому движению способствовало более адекватному и позитивному восприятию евразийцами буддизма, а его взгляды повлияли на дальнейшее развитие евразийских идей²⁷. Д. Ю. Топалова считает, что работа Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие» представляет собой концепцию истории Монголии на основе теории евразийского учения²⁸. С. Б. Лавров также пишет о том, что в эмиграции Э. Хара-Даван сначала оказался в Праге, и даже высказывает предположение о его знакомстве с лидерами евразийства (с пометкой, что не так уж важно — очное оно или заочное). Он отрицает мысли о вторичности книги Э. Хара-Давана по отношению к евразийским текстам, в частности к работе Н. С. Трубецкого «Наследие Чингисхана», считая, что эти работы оказали на него большое влияние, но взгляды и эрудиция самого автора позволили создать яркое и самобытное произведение²⁹.

Таким образом, в современной историографии преобладает мнение о принадлежности Э. Хара-Давана к евразийству и о его значимой роли в самом движении. Более осторожно высказывается Е. Н. Кушнир, считая, что взгляды Э. Хара-Давана эволюционировали от увлечения «европоцентристскими мифами» до использования евразийского подхода к истории и культуре как основы мировоззрения³⁰. Его книга внесла существенный вклад в укрепление позиций евразийства, на представителей которого Э. Хара-Даван часто ссылался и последователем которого он выступал³¹. Но в литературе присутствуют и иные взгляды. Например, С. С. Беляков, биограф Л. Н. Гумилев, разбирая преемственность взглядов между последним и евразийцами, пишет о том, что Э. Хара-Даван к евразийскому движению не принадлежал³². Его книга только импонировала евразийцам положительным отношением к образу Чингисхана.

Рассмотрим, насколько деятельность и работы Э. Хара-Давана соответствуют заявленным признакам отнесения к евразийскому движению. Проживание вне пределов Чехословакии, а именно в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, не могло отрицательно влиять на возможность участия в работе евразийского движе-

²⁵ Вахитов Р. Эренжен Хара-Даван и его взгляды по национальному вопросу // Ватандаш. 2017. № 5 (248). С. 178.

²⁶ Там же. С. 180.

²⁷ Сорокина Г. А. Э. Хара-Даван — калмыцкий представитель русского зарубежья // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 1. С. 148–149.

²⁸ Топалова Д. Ю. Общественно-культурная деятельность калмыцкой эмиграции. С. 201.

²⁹ Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000. С. 147.

³⁰ Кушнир Е. Н. Э. Хара-Даван о проблеме монгольского влияния на развитие Руси-России // Современные научные исследования: актуальные проблемы и тенденции. Омск, 2014. С. 294.

³¹ Там же. С. 294.

³² Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева. М., 2013. С. 339.

ния, поскольку в столице королевства была сильная евразийская ячейка. Однако Э. Хара-Даван, по крайней мере в 1928 г., в заседаниях «активных деятелей евразийского движения в Белграде участия» не принимал³³. Он прожил в Белграде всего лишь полтора года, а все остальное время провел в провинции. Во время пребывания в столице он активно участвовал в жизни калмыцкой диаспоры, занимая должности секретаря Калмыцкого буддийского Духовного Совета³⁴ и члена Правления Объединенного Собрания правлений колонии и станицы в Югославии³⁵. Относительно благополучная жизнь врача позволила накопить достаточно средств для публикации подготовленной им книги, а также для помощи калмыцкой диаспоре в Праге для издания первого номера калмыцкого общественно-политического журнала «Ойрат», вышедшего в Белграде, на титульном листе которого было указано: «Издание д-ра Хара-Давана»³⁶.

Письмо участника пражской евразийской группы Г. Н. Полковникова Э. Хара-Давану по вопросу выступления последнего в начале января 1928 г. в Белградском университете с докладом «Чингисхан и нашествие монголов в Европу» озаглавлено «От пражского евразийца Хара-Давану». Возможно, если бы Г. Н. Полковников видел в нем участника движения, оно было озаглавлено по-иному. Он писал: «постарайтесь, дорогой доктор, уяснить Вашим слушателям основную мысль нашего учения, что и монархисты, и демократы, и коммунисты принадлежат минувшей эпохе, к эпохе “европейской России”, которая началась Петром I и кончилась русской революцией... Хочется еще добавить, что нельзя рассматривать Евразийство как нечто “среднее” между реставраторами и коммунистами. Правда, мы иногда сами называем свое учение третьим максимализмом, считая первый максимализм революционно-коммунистическим; а вторым — контрреволюционно-реставраторский»³⁷. Как видно, Г. Н. Полковников рассказывает Э. Хара-Давану об особенностях евразийской идеологии, как о внешнем для своего адресата объекте.

Теперь обратимся к анализу текстов самого Э. Хара-Давана. Их можно разделить на две группы: 1) работы, опубликованные в евразийских изданиях, и примыкающая к ним книга о Чингисхане; 2) работы, опубликованные в иных изданиях. К первой группе относятся две статьи. В одной из них, Э. Хара-Даван, рассматривая программные установки евразийства и сравнивая их с современной политической культурой европейских стран, писал о том, что монголам ближе народоводительство, нежели народоправство и парламентаризм, поскольку первое было представлено в империи Чингисхана, а второго никогда у монголов не было³⁸. Ссылаясь на книги Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» и О. Шпенглера «Закат Европы»,

³³ Протоколы (копии) собраний Парижской, Белградской, Пражской групп евразийцев за 1926–1929 гг., протокол заседания евразийского «кламарского» совета Политбюро (копия) от 30.12.1928 г. Положения о Пражской и Парижской евразийской группе. Статьи: «Вокруг шахтинского процесса» и т. д. // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 449. Л. 10, 13.

³⁴ Письмо Масарику // Информация Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р. Прага, апрель 1930. № 1. С. 34.

³⁵ О деятельности Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р. С. 46.

³⁶ *Миленкович Т.* О докторе Эренжене Хара-Даване // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 52.

³⁷ Письмо Хара-Давану от Полковникова и Чхеидзе — Устрялову // ГАРФ. Ф. Р-5911. Оп. 1. Д. 56. Л. 78.

³⁸ *Хара-Даван Э.* Евразийство с точки зрения монгола // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 158.

он указывал, что история монголов в XIII в. не вписывается в рамки развития «общечеловеческой», то есть «романо-германской культуры», что показывает неверность этой схемы, но не отсталость монголов³⁹. Концепция «правлящего отбора» у евразийцев также находила параллели в державе Чингисхана, поскольку там к власти допускались люди, обладающие верностью, преданностью и стойкостью. Русское православие, в своем «бытовом исповедничестве» было ближе к религиям Востока, нежели к западному христианству⁴⁰. Евразийскую программу 1927 г. Э. Хара-Даван характеризовал как единственную и оригинальную среди всех остальных программ, представленных в русской эмиграции. Особенно его привлекало решение национального вопроса, отвергавшее колониальную политику императорской России, заключающуюся в русификации и насаждении православия. Также ему импонировало признание начал федерации и автономии в советском варианте, но с обязательным устранением «коммунистической или какой другой опеки». Итоговый лозунг Э. Хара-Давана заключался в синтезе прикладных знаний Запада и культуры Востока, что явится основой для построения евразийской культуры, которая будет создана общими усилиями всех ее народов⁴¹.

Вторая статья Э. Хара-Давана была посвящена особенностям быта кочевников. В предисловии к ней П. Н. Савицкий писал о полезности их опыта для постановки физической культуры у оседлых народов, в особенности евразийских, проживающих с ними на одном месторазвитии⁴². Э. Хара-Даван считал, что кочевая жизнь и проживание в кибитке обуславливали физическое развитие кочевника и его невосприимчивость к различным болезням. В целом, эта небольшая статья носила научно-познавательный характер и в большей степени относилась к кочевниковедению (в терминологии П. Н. Савицкого), нежели непосредственно к евразийству.

Особое место занимает главный труд Э. Хара-Давана — «Чингисхан как полководец и его наследие». Мы не беремся судить об историографической ценности работы, отметим только, что у современников автора присутствовали положительные оценки и их было немало. Сам Э. Хара-Даван писал о сочувственном отношении к его работе со стороны специалистов-востоковедов и о «большом неудовольствии русских кругов», начиная с П. Н. Милюкова⁴³. Под «русскими кругами» Э. Хара-Даван, вероятно, имел в виду представителей русской академической школы, у которых исторические работы евразийцев или близких им авторов вызвали критику. Узкий смысл этого выражения вполне логичен, поскольку у кругов, которых также можно причислить к «русским», например у евразийцев, книга встретила позитивную реакцию. Также Э. Хара-Даван указывал, что получил более десяти положительных отзывов от «монголоведов, военспецов и историков Азии», к компетенции которых и относилась критика содержания его произведения⁴⁴. Выдающимся трудом Э. Хара-Давана назвал Президиум КККР в Праге⁴⁵.

³⁹ *Хара-Даван Э.* Евразийство с точки зрения монгола. С. 155.

⁴⁰ Там же. С. 159.

⁴¹ *Хара-Даван Э.* Религия в быте Запада и Востока // Вольное казачество. 1930. № 61–62. С. 14.

⁴² *Хара-Даван Э.* О кочевом быте // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 83.

⁴³ *Хара-Даван Э.* Калмыки в Югославии // Информация Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р. Прага, апрель 1930. № 1. С. 60.

⁴⁴ *Хара-Даван Э.* Чингисхан или Россия? (ответ на письмо калмыков- казаков) // Вольное казачество. 1930. № 51–52. С. 18.

⁴⁵ О деятельности Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в Ч. С. Р. С. 47.

Э.Хара-Даван обозначил около трех десятков источников, на которые он опирался при написании своего труда. Среди них присутствовали произведения евразийских авторов: «Монгольское иго в русской истории» и «Начертание русской истории» Г.В.Вернадского, «Геополитические заметки по русской истории» П.Н.Савицкого и «К проблеме русского самопознания» Н.С.Трубецкого. В самой книге, за исключением главы о монгольском влиянии на Русь, он ссылался на них не очень часто. Он указывал работу Трубецкого в строках, посвященных описанию психологического типа кочевников, а работы Г.В.Вернадского и П.Н.Савицкого упоминались при характеристике военных действий армии Бату на Балканах. Такое незначительное количество ссылок на евразийцев неудивительно, поскольку основная часть работы Э.Хара-Давана была посвящена конкретно-историческим событиям, о которых евразийцы, за исключением Г.В.Вернадского, писали достаточно редко.

Проанализируем ту часть труда Э.Хара-Давана, которую можно назвать «евразийской», вернее написанной под влиянием евразийской концепции. В предисловии он писал о том, что в русской исторической науке не придавалось большого значения монгольскому этапу истории страны. Только в последние годы ученые евразийского мировоззрения, изучая проблему русского самопознания, отчасти преодолели «предрассудки европеизма» и начали внимательно разбираться в восточных влияниях на русскую историю, культуру и быт⁴⁶. Вслед за Н.С.Трубецким Э.Хара-Даван повторял два сократовских лозунга — «познай самого себя» и «будь самим собой», которыми должны руководствоваться сами представители народов Востока после неудачного двухвекового опыта копирования европейской культуры, заведшего Россию в тупик. Евразийцы отмежевались от европейской культуры, чтобы обосновать зарождение новой эпохи самобытной культуры Евразии, наследницы Монгольской империи.

Собственно «евразийская» часть была сосредоточена в главе XIII «Влияние монгольского ига на Россию». Именно здесь автор активно цитировал евразийцев, используя для этого достаточно большие фрагменты из их работ. Естественно, влияние монгольской государственности Э.Хара-Даван признавал исключительно положительным.

Если суммировать его аргументы, то получится, что, во-первых, монголы установили мир, единую административную власть и создали условия для развития социально-экономических отношений со странами Востока. В культуру русского народа прочно вошли элементы быта восточных народов: одежда и обувь, песни и танцы, сказки, блюда, столярные инструменты, бытовые привычки, например затворничество русских женщин. Различные приемы военного искусства (лава, засадные полки), применявшиеся монгольскими армиями, использовались русскими полководцами. С именем Бату-хана Э.Хара-Даван связывал появление хлебопашества в степной полосе Южной России⁴⁷.

Во-вторых, веротерпимость монголов, резко контрастировавшая с религиозными войнами в Европе, сделала Русскую православную церковь реальной силой и духовным авторитетом в обществе. Об этом Э.Хара-Даван писал достаточно ча-

⁴⁶ Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие: Культурно-исторический опыт Монгольской империи. Элиста, 1991. С. 9.

⁴⁷ Там же. С. 188.

сто, во многих своих произведениях указывая на прогрессивный характер этого явления для XIII в. Александр Невский в союзе с монголами смог защитить православный Восток от натиска воинствующего католицизма⁴⁸. Э.Хара-Даван делал вывод, что Золотая Орда являлась не только покровительницей, но и защитницей русского православия. Веротерпимость позволила в дальнейшем монгольской знати влиться в состав русского дворянства.

В-третьих, монголы заложили основы будущего развития Российского государства. Московская Русь являлась небольшой провинцией части Монгольской империи — улуса Джучи. То, что она управлялась чингизидами на основании кодекса законов Ясы, во многом предопределило ее дальнейшую судьбу. Это также сказалось и в истории Китая, где образовалась единая держава династии Мин⁴⁹. Отметим, что евразийцы, представляя образование единого государства как итог монгольского владычества, рассматривали случай России как исключительный, характерный именно для Евразии, считая, что при завоевании Китая монгольская держава вышла за ее пределы.

Для Э.Хара-Давана образование единого русского государства на выходе из монгольского этапа являлось одним из самых веских аргументов для защиты тезиса о положительном влиянии монголов на Русь. В подтверждение этого тезиса Э.Хара-Даван приводил цитаты не только евразийцев, но и других авторов, как русских, так и иностранных. Монголы способствовали объединению русских княжеств косвенно, преследуя свои собственные цели. Необходимость налаживания административного управления обширными пространствами и фискальный интерес способствовали росту власти московского князя. Монголы дали зарождавшейся русской государственности три основных элемента: самодержавие (ханат), централизм, крепостничество⁵⁰. Помимо этого, они организовали почтовую службу, провели перепись населения, ввели единообразное административное устройство.

Золотую Орду в ставке Великого хана называли Белой Ордой. Великий князь Московский, являясь наследником золотоордынских ханов среди восточных народов воспринимался как Белый царь, наследник ханов Белой Орды. Московские князья, наиболее лояльные Золотой Орде, используя доверие хана и функции управителей Русской земли, планомерно увеличивали свой надел. Ссылаясь на С. Ф. Платонова, Э.Хара-Даван писал о том, что удельные князья не смогли бы возглавить объединительные тенденции и «разнесли бы свою Русь»⁵¹. Только власть хана давала им ощущение единства и сдерживала усобицы. На выходе из монгольского этапа удельные княжества и славянские племена превратились в русский народ и единое государство, похожее на восточные монархии Азии. Петр I покрыл народ «легким слоем европеизма, срезанного» революцией, после которой обнажилось «евразийское нутро русского народа, повернувшееся одним лицом к востоку, а другим — на Запад, подобно орлу старого русского герба»⁵². Э.Хара-Даван считал, что ни варяги, ни византийцы не смогли дать русским государственность и великодержавность. В целом русский национальный характер не похож ни на один славянский

⁴⁸ Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие... С. 194.

⁴⁹ Там же. С. 181.

⁵⁰ Там же. С. 182.

⁵¹ Там же. С. 184.

⁵² Там же. С. 203.

народ. Он обширно цитировал рассуждения Н. С. Трубецкого о туранском психологическом типе и о его влиянии на русских, писал о родстве русской и туранской крови, отмечая процесс «обрусения» целого ряда туранских племен.

Представители евразийства не могли не отреагировать на сочинение Э. Хара-Давана. В работе «Идеи и пути евразийской литературы» П. Н. Савицкий охарактеризовал его книгу как «евразийское по духу историческое исследование»⁵³, несколько отграничив ее от работ Н. П. Толля⁵⁴, Н. А. Клепинина⁵⁵, Я. А. Бромберга⁵⁶ и Г. Н. Полковникова⁵⁷. Подводя итог десятилетней издательской деятельности евразийцев, Савицкий дал краткую характеристику изданиям движения. Работу Э. Хара-Давана он обозначил, как стоящую в «ближайшей связи с идеями евразийцев и написанную ученым калмыком»⁵⁸. В целом же П. Н. Савицкий нигде не указал на принадлежность автора книги к евразийству.

Рассмотрим труды Э. Хара-Давана, опубликованные в неевразийских изданиях 1920–1930-х гг., чтобы определить, насколько идеи, высказанные в них, связаны непосредственно с евразийской концепцией. Их главной темой был национальный вопрос и будущее калмыцкого народа, а также критика европейской культуры в целом и европеизации России в частности. Э. Хара-Даван вторил евразийцам в мысли о кризисном состоянии Европы и о грядущем возрождении Азии⁵⁹. Повторяя евразийские тексты, Э. Хара-Даван считал, что православие ближе восточным религиям, нежели западному христианству. Как и в своей книге, в статьях он писал, что русская кровь по своему биохимическому коэффициенту родственнее коэффициенту монголо-тюркских народов, нежели южных и западных славян. Эти данные приводили его к выводу о мифологичности «родства славян»⁶⁰.

Э. Хара-Даван называл самобытность русской культуры относительной, указывая на варяжское, византийское и монгольское влияния, которые она испытала (евразийцы признавали только два последних). Московское царство вышло из татарской школы на «широкую дорогу великодержавности и национальной “самобытной” культуры»⁶¹. Попытка модернизации государства после Смуты привела к поклонению перед Западом. Новая держава была создана по европейскому образцу с бюрократией, постоянной армией и сложившимся под влиянием капитализма крепостным правом. Напомним, что в книге «Чингисхан как полководец и его наследие» Э. Хара-Даван считал крепостное право наследием именно Золотой Орды. Характеристика же русской истории XVIII–XIX вв. отличалась у него определенной амбивалентностью. С одной стороны, Э. Хара-Даван писал о героическом этапе Петра I и Екатерины II, называя эту эпоху расцветом Русского государства; а признаки упадка обнаруживал только в первой половине XIX в. и в полной мере в начале XX в., имея в виду поражение в войне с Японией и неудачи в Мировой

⁵³ Савицкий П. Н. Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. М., 1997. С. 376.

⁵⁴ Толль Н. П. Скифы и гунны: Из истории кочевого мира. Прага, 1928.

⁵⁵ Клепинин Н. А. Святой и благоверный князь Александр Невский. Париж, 1927.

⁵⁶ Бромберг Я. А. Запад, Россия и еврейство: Опыт пересмотра еврейского вопроса. Прага, 1931.

⁵⁷ Полковников Г. Н. Диалектика истории. Париж, 1931.

⁵⁸ Савицкий П. Н. Евразийская библиография // Тридцатые годы. С. 309.

⁵⁹ Хара-Даван Э. Заря Востока // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 240.

⁶⁰ Хара-Даван Э. Денационализация и ассимиляция наций // Там же. С. 266.

⁶¹ Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции // Вольное казачество. 1930. № 57. С. 9.

войне. С другой — он называл Петра I «неистовым западником» со слепой верой во все европейское⁶².

Исторический процесс Э.Хара-Даван трактовал как постоянную попытку решить национальный вопрос, в том числе военным путем. Его видение событий мировой истории XVIII–XIX столетий в большей степени соответствовало дореволюционным работам П.Н.Савицкого и его взглядам на империализм, нежели евразийским постулатам. Э.Хара-Даван считал, что в многонациональных империях неизбежно противодействие со стороны «угнетаемых народов» и вызревание «центробежных стихий», которые вели к империи к распаду⁶³. Как видно, он искал объяснение историческому процессу с точки зрения развития национального и общественного самосознания, но никак не «месторазвития» и особенностей «общеевразийской культуры».

Русская революция знаменовала собой переход в новую эпоху⁶⁴. Коммунисты провозгласили «дезаннексию» национальных территорий — Финляндии, Польши, Эстонии, Украины, Армении, Дагестана, Туркестана и Бессарабии и провозгласили «Декларацию прав национальностей России», в которой признавались права и суверенитет народов, вплоть до отделения и образования независимых государств. Однако фактически коммунисты ничего не собирались делать, и прямая диктатура русского народа была заменена коммунистической диктатурой «ведущей в национальном вопросе ту же русскую империалистическую политику»⁶⁵. Констатируя факт систематического нарушения прав национальностей русскими властями, Э.Хара-Даван обозначал свое видение разрешения национального вопроса. Оно состояло в создании однонациональных государств — «Великороссии, Белоруссии, Украины, Крыма, Казакии (казачье государство), Кавказской федерации, Туркестанской [Республики] и присоединении подсоветской Монголии к своей самостоятельной части»⁶⁶. Следующим этапом их развития должны были стать различные виды межгосударственных союзов, конфедеративные и федеративные государства. Это создало бы фундамент для стабильного развития наций. Торжеством справедливости он считал национальное возрождение «угнетенных наций»⁶⁷. Одним из 106 народов России, которые пробудились в результате революции, Э.Хара-Даван называл калмыков. Административное оформление их проживания должно сочетаться с внутренней автономией в области управления и законодательства. Политическое будущее калмыков он видел в создании с окрестными народами Юго-Восточной федерации, которая может перерасти в Лигу народов Востока⁶⁸.

Оценивая революцию 1917 г., Э.Хара-Даван, подобно евразийцам, писал о том, что она перевернула жизнь и поэтому сторонники старых партий и движений находятся на обочине истории, представляя собой «живые трупы»⁶⁹. Калмыцкая

⁶² Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции. С. 9.

⁶³ Хара-Даван Э. Национальный вопрос // Утверждения = Affirmations. Revue trimestrielle. Париж. Октябрь 1932. № 3. С. 49.

⁶⁴ Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции // Вольное казачество. 1930. № 57. С. 7.

⁶⁵ Хара-Даван Э. Национальный вопрос в разрешениях русских политических партий // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 232.

⁶⁶ Там же. С. 240.

⁶⁷ Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции // Вольное казачество. 1930. № 58. С. 10.

⁶⁸ Хара-Даван Э. Пути решения национальной проблемы // Улан-Залат. 1930. № 3. С. 36.

⁶⁹ Хара-Даван Э. Обращение к молодежи // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 262.

эмиграция также в массе своей относится к этому дореволюционному поколению, подвергнутому процессу русификации. Для калмыцкой молодежи было бы ошибкой ориентироваться на старые политические круги. Ее долгом является создание национальной организации с программой политической свободы и национально-культурного возрождения⁷⁰.

В своих статьях Э. Хара-Даван давал характеристику собственно евразийству и его идеям. Редакция журнала «Вольное казачество», где он достаточно часто публиковался, в подстрочном примечании к одной из его статей указывала, что она носит «некоторый отпечаток» евразийского учения, которому автор «уделял много внимания»⁷¹. Он определял евразийство как новое учение, основанное на выходе России из рамок современной европейской культуры и обосновании самобытности Евразии, явившееся результатом мировой войны и революции. Идеи евразийства ложились на «готовую благоприятную почву» и поэтому завоевали «сердце и ум монгола»⁷². Социалистические, демократические и монархические партии придерживались одного и того же «западнического» взгляда на кочевников-калмыков, желая их сделать оседлым народом, поскольку в схемах европейских ученых оседлый крестьянин является более цивилизованным, нежели кочевник. Евразийство утверждало самоценность таких народов. Э. Хара-Даван обвинял своих критиков в незнании основ евразийской идеологии за представления о том, что она разжигает национальную вражду⁷³. Соответственно сам он ценил в евразийстве как раз попытку найти общее для всех наций, населяющих Россию-Евразию.

В целом, Э. Хара-Даван в своих работах, опубликованных за пределами евразийских изданий, высказывал идеи, которые были близки евразийству, а также мысли, которые ему противоречили. В частности, в его работах присутствовала критика имперского этапа истории России и русификаторской политики царского правительства, однако эпоху Петра I и Екатерины II он при этом называл героической. Революцию 1917 г. Э. Хара-Даван считал как раз итогом и завершением «европеизации» страны, но и тут он смещал акценты на национальный вопрос и проблематику развития калмыцкого народа. Здесь его взгляды отличались противоречивостью. Иногда он писал о желательности федеративного устройства будущей России, но более часто звучали призывы создать союз независимых государств в виде своеобразной конфедерации. Э. Хара-Даван критиковал советскую национальную политику и писал о неизбежности ущемления прав калмыцкого народа в составе будущей России. Эти взгляды, конечно, противоречили евразийской идеологии. Положительно он оценивал такие достижения февраля 1917 г., как самоопределение народов; но он в принципе был против любой идеократии и писал о том, что любая власть — коммунистическая, евразийская или просто российская — будет угнетать малые народы⁷⁴. Политическое будущее калмыцкого народа он видел пугающим, призывая как создать автономию на юге России, так и получить политическую независимость.

⁷⁰ Там же. С. 264.

⁷¹ Хара-Даван Э. Тупики и исходы русской революции // Вольное казачество. 1930. № 56. С. 11.

⁷² Хара-Даван Э. Евразийство с точки зрения монгола // Эренжен Хара-Даван и его наследие. С. 153.

⁷³ Хара-Даван Э. Чингисхан или Россия? С. 18.

⁷⁴ Хара-Даван Э. Национальный вопрос в разрешениях русских политических партий. С. 233.

Таким образом, Э. Хара-Давана нельзя назвать евразийцем или участником евразийского движения. Практически всю свою жизнь в эмиграции он прожил за пределами его основных географических центров, в состав евразийских групп не входил и редко публиковался на страницах евразийских изданий. С евразийцами его сближал интерес к истории Монгольской империи и утверждение тезиса о ее положительном влиянии на эволюцию русской государственности. Только исходили они из разных идеологических установок. Приверженцы учения искали обоснование незападного пути развития России. Эпоха «монгольского ига» была временем максимального влияния восточной культуры, и его положительные последствия имели важное значение в аргументации исторической концепции евразийства. Для Э. Хара-Давана история монголов была составной частью истории калмыков. В первую очередь он доказывал ошибочность взгляда на кочевые народы как на отсталые, и евразийство было близко ему именно в этом. Высокая оценка личности Чингисхана фигурировала, например, и в статье председателя КККР в Праге Б. Н. Уланова⁷⁵. Однако сам этот факт еще не означал принятия евразийской идеологии.

И евразийцы, и Э. Хара-Даван подошли к тезису о положительном влиянии монголов с разными целями, но придали ему силу аксиомы. Факты, которые не укладывались в эту схему, они обходили каждый по-своему. Например, П. Н. Савицкий или Г. В. Вернадский упоминали о материальных потерях Северо-Восточной Руси, после нашествия монголов, но считали, что положительное влияние в итоге преобладало. Э. Хара-Даван ничего не писал о материальных потерях русских княжеств, а жестокость монголов объяснял особенностями воспитания «монголов-охотников», на войне превращавшихся в «монголов-воинов». Жестокость являлась одним из методов устрашения и контроля над завоеванными территориями, то есть выступала, по его мнению, эффективным средством управления в условиях ограниченности ресурсов. Достаточно часто Э. Хара-Даван указывал на проявления жестокости и террора по отношению к мирному населению, характерное для европейской истории, особенно в годы Первой мировой войны⁷⁶.

Характеризуя влияние монголов на русские княжества, Э. Хара-Даван повторял идеи евразийцев, практически не привнося в них ничего нового. Даже начало XIII главы своей книги он просто скопировал у Г. В. Вернадского, а сама глава в существенной части представляет собой краткий конспект работ Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского с дополнением схожих цитат других авторов, например Г. Лэма, М. И. Иванина, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. При отборе материала Э. Хара-Даван руководствовался тезисом о положительном влиянии монголов на развитие русской государственности, но следование ему не делало Э. Хара-Давана одним из творцов евразийской исторической концепции. Например, он редко писал об историческом развитии России в XV–XIX столетиях. В основном он критиковал русификаторскую политику царского правительства, связывая ее с процессами европеизации народов нашей страны. Другие темы, в которых могли наблюдаться параллели, например географическое устройство, культурное развитие России, Э. Хара-Даван не затрагивал. Примечательно, что он практически

⁷⁵ Уланов Б. Н. Суту Богдо Чингис Хан и доктор Томаш Гарриг Масарик // Улан-Залат. 1927. № 1. С. 3.

⁷⁶ Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. С. 121.

никогда не использовал конструкт «Россия-Евразия», как это было принято в евразийских текстах.

Жизнь и судьба Э.Хара-Давана как до революции 1917 г., так и в эмиграции стала ярким отражением сложной и противоречивой истории нашей страны. Периодически он писал о желательности политической автономии или даже независимости для будущего устройства калмыцкого народа. Судьба же распорядилась так, что его работы стали неотъемлемой частью истории не только калмыцкой культуры, но и русской историко-политической и историософской мысли в целом.

References

- Alekseeva P. E. Predislovie. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie*. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 3–6. (In Russian)
- Antonova E. A., Mukhamed'iarov Sh. Evraziistvo s tochki zreniia kalmyka. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie*. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 33–37. (In Russian)
- Beliakov S. S. Gumilev syn Gumileva. Moscow, AST Publ., 2013, 797 p. (In Russian)
- Birman M. A. P. M. Bitsilli i evraziitsy v 1922–1927 gg.: (ocherki i fragmenty). *Vokrug redaktsionnogo arkhiva "Sovremennykh zapisk" (Parizh, 1920–1940)*. Moscow, NLO Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russian)
- Bitsilli P. M. "Vostok" i "Zapad" v istorii Starogo Sveta. *Na putiakh*. Berlin, Gelikon Publ., 1922, pp. 317–340. (In Russian)
- Bitsilli P. M. Katolichestvo i Rimskaiia tserkov'. *Rossiiia i latinstvo*. Berlin, Gelikon Publ., 1923, pp. 40–79. (In Russian)
- Bromberg Ia. A. *Zapad, Rossiia i evreistvo: Opyt peresmotra evreiskogo voprosa*. Praga, Evraziiskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1931, 196 p. (In Russian)
- Burchinova L. S. Posleslovie. *Khara-Davan E. Chingiskhan kak polkovodets i ego nasledie. Kul'turno-istoricheskii ocherk Mongol'skoi imperii XIII–XIV vv.* Elista, Kalmykskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991, pp. 211–218. (In Russian)
- Donirova G. A. Evraziiskaia ideia v trudakh E. Khara-Davana. *Voprosy nacional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2013, issue 1 (20), pp. 16–20. (In Russian)
- Gumilev L. N. *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii*. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 576 p. (In Russian)
- Gumilev L. N., Ermolaev V. Iu. Chingiskhan — neozhidannyi rakurs. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie*. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 21–30. (In Russian)
- Klepinin N. A. *Sviatoi i blagovernnyi kniaz' Aleksandr Nevskii*. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1927, 205 p. (In Russian)
- Krasovitskaia T. Iu. *Natsional'nye elity kak sotsiokul'turnyi fenomen sovetskoi gosudarstvennosti (oktiabr' 1917 — 1923 g.): Dokumenty i materialy*. Moscow, IRI RAN Press, 2007, 448 p. (In Russian)
- Kushnir E. N. E. E. Khara-Davan o probleme mongol'skogo vliianiia na razvitie Rusi-Rossii. *Sovremennye nauchnye issledovaniia: aktual'nye problemy i tendentsii*. Omsk, NGAVT Publ., 2014, pp. 291–301. (In Russian)
- Kuz'min Iu. V. Kniga iz proshlogo. "BULLETIN. The IAMS News Information on Mongol Studies". *Ulaanbaator: The Secretariat of the International Association for Mongol Studies*, 1994, no. 1 (13), pp. 114–115. (In Russian)
- Lavrov S. B. *Lev Gumilev. Sud'ba i idei*. Moscow, Svarog i K Publ., 2000, 408 p. (In Russian)
- Lazarev E. S. Kharizmaticheskoe bremia poliarnogo mifa. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie*. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 76–92. (In Russian)
- Malysheva S. Evraziets Khara-Davan: kazanskaia stranichka. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie*. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 118–122. (In Russian)
- Milenkovich T. O doktore Erenzhene Khara-Davane. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie*. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 43–54. (In Russian)
- Ochirov U. B. Politicheskaia deiatel'nost' E. Khara-Davana v period Grazhdanskoi voyny. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie*. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 100–111. (In Russian)

- Polkovnikov G. N. *Dialektika istorii*. Paris, Publication of the Eurasians, 1931, 169 p. (In Russian)
- Sarangov D. V., Bovaev N. B. Tema natsional'nogo ob'edineniia v rabotakh kalmytskikh emigrantov: E. D. Khara-Davana, B. B. Kushlynova. *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki*, 2018, issue 7, pp. 50–52. (In Russian)
- Savitskii P. N. Evraziiskaia bibliografiia. *Tridtsatye gody*. Paris, Eurasian Book Publ., 1931, pp. 285–317. (In Russian)
- Savitskii P. N. Idei i puti evraziiskoi literatury. *Russkii uzal evraziistva: Vostok v russkoi mysli*. Moscow, Belovod'e Publ., 1997, pp. 369–388. (In Russian)
- Shakhmatov M. V. Evraziistvo i russkoe samobytnichestvo. *Vozrozhdenie*, 1925, issue 4, p. 1. (In Russian)
- Sorokina G. A. Khara-Davan — kalmytskii predstavitel' russkogo zarubezh'ia. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia*, 2014, issue 1, pp. 145–150. (In Russian)
- Taratorin D. Velikii mirotvorets. *Khara-Davan E. Rus' mongol'skaia: Chingiskhan i mongolosfera*. Moscow, Agraf Publ., 2002, pp. 5–7. (In Russian)
- Toll' N. P. *Skify i gunny: Iz istorii kochevogo mira*. Praga, Evraziiskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1928, 77 p. (In Russian)
- Topalova D. Iu. Obshchestvenno-kul'turnaia deiatel'nost' kalmytskoi emigratsii (1920-e — nachalo 1930 gg.). *Oriental Studies*, 2019, issue 2 (42), pp. 195–206. (In Russian)
- Ulanov B. N. Suto Bogdo Chingis-Khan i Doktor Tomash Garrig Masarik. *Ulan-Zalat*, 1927, no. 1, pp. 3–6. (In Russian)
- Vakhitov R. Erenzhen Khara-Davan i ego vzgliady po natsional'nomu voprosu. *Vatandash*, 2017, issue 5 (248), pp. 173–184. (In Russian)

Статья поступила в редакцию Июля 2021 г.

Рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Received: July 1, 2021

Accepted: June 8, 2022